

Зиновий Сагалов

ПОЛЕТЫ С АНГЕЛОМ (СЕДЬМАЯ СВЕЧА)

Драматическая притча в двух частях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Художник

Ангел

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Покатая крыша. Вместо печной трубы накренившаяся Эйфелева башня. Повсюду свернутые холсты, книги, кисти. Осколок зеркала в овальной раме. На белых крылышках, маятником кверху, висят часы.

На авансцене слева — бочка. На ней нарисована рыба с человеческой рукой. Из бочки торчит гриф скрипки. У правого портала мольберт с подрамниками без холста. Возле него на нескольких крючках висит одежда. В небе — едва видимая круговерть причудливых росчерков — горбатые заборы, покосившиеся домишки, печальные лошади, порхающие в небе парочки.

Полумрак. Негромкая астральная музыка. Из темноты возникает чей-то невнятный, прерываемый натужным дыханием, старческий шепот.

Голос Художника.

В кромешной тьме,

Среди планет и звезд

Я знаю, ты летишь над миром,

Крылатый всадник...

Быть может, видишь старого безумца

Там, внизу,

Лежащего без сил

Среди холстов и красок...

Назначь ему последний день...

Ты слышишь, Ангел?

Тот день, который выбьют

На гранитном камне...

Назначь...

Музыка становится громче, почти заглушает голос.

Когда? Сегодня? Завтра?

Ничего не слышу...

Сцена постепенно освещается. Старый, седой, в белой рубашке апаши и голубых брюках, Художник сидит на коньке крыши, опустив голову в ладони.

За спиной его возникает Ангел. Он в белых одеждах, голова обвязана золотой тесемкой, лицо скрыто белой полумаской. Подняв палитру, Ангел смешивает на ней краски. Подает Художнику кисть. Тот с удивлением рассматривает ее.

Художник.

Да разве я молил тебя об этом,
Хранитель мой?
Зачем в слабеющие пальцы
Ты снова кисть вложил?
А, понял... Хочешь ты,
Чтоб я поставил точку
На том холсте, который
В день моего рожденья
Мне подарил Господь
Сто лет тому назад...

Медленно поднимается. Сходит по крыше к мольберту. В задумчивости прикасается кистью к воображаемому полотну. Отходит на несколько шагов. Прищурив глаз, смотрит на него.

Да это же не точка! Это — глаз!
Подходит к мольберту. Снова прикасается кистью.
Я невзначай открыл незрячие глаза...
О Боже, чьи они,
Плывущие ко мне из глубины Вселенной?

Проводит линию на воображаемом холсте. Еще одну, еще... Он на глазах преобразился — движения стали быстры и точны, расправились сутулые плечи, заблестели глаза.

Что снова ты со мною сделал, Ангел?
Исчезло время, все ушло куда-то.
Один лишь холст остался
Меж будущим и прошлым,
Меж тьмой и светом.
Ты видишь, Ангел,
Он дрожит от нетерпенья, холст,
Ждет, чтобы я его коснулся
Не кистью колонковой —
Нет, шалишь! —
Чтоб сердцем я к нему припал,
Открытым сердцем,
Трепещущим,
Как раненая птица...

Ангел подает Художнику еще одну кисть. Тот кладет несколько мазков,

потом останавливается.

Художник.

Нет, Ангел, этот цвет не белый.

Ангел.

Белее снега,
Выпавшего в Альпах сегодня ночью.

Художник.

Мне не годится снег.
Он холоден, колюч.
Иное что-то...

Ангел.

Вот лебединого крыла оттенок.

Художник.

Это ближе. Ангел.

Добавляет несколько штрихов.

И все-таки не то. Не то!

А н г е л подает ему новую кисть.

Быть может, ландыш?

Художник.

Нет.

Ангел.

А облако?

Художник.

Оно прозрачно.

Ангел.

А если...

Художник.

Что? Ну говори же!

Ангел.

Береза !..

Художник.

О!

Ангел.

Березовая ветка!

Художник.

(кивая на холст).

Глаза мне улыбнулись!

Ангел.

Она нагрета теплым солнцем...

Художник.

Да!

Ангел.

И белая, как девичья рука.

Художник.

Ее рука! Да, да! Я вижу!

Протянутая мне.

Оттуда, из тьмы небытия,

Лишь белый луч безмолвия доходит —

Цвет счастья и любви.

О белый, белый!

Быстро работает кистями. А н г е л незаметно удаляется.

Твой цвет, любимая моя.

О Белла, Белла!

Я вновь блуждаю

По твоей душе,

И ты опять моя невеста,

Березовая, белая, моя!..

Появляется А н г е л в образе Б е л л ы. В руках — букет флоксов.

Белла.

Ты ждал меня?

Художник.

Я знал, что ты придешь.

Белла.

Твой день рождения сегодня.

Художник.

Помнишь?

Белла отдает ему букет.

Белла.

Поздравляю.

Художник ставит цветы в Эйфелеву башню.

Художник.

Я думал: там, в стране забвенья,
Гаснет память.

Белла.

О, что ты, что ты!
Наши души,
Блуждая среди ангелов и звезд,
Земное притяжение ощущают.
Я помню каждый миг, что нами прожит,
Как будто все произошло вчера...

Музыка.

Художник.

Вчера...

Белла.

Вчера увидели тебя мои глаза впервые.

Художник.

Вчера...

Белла.

Вчера ты мне свидание назначил.

Художник.

Вчера...

Белла.

В саду, где ночь дышала резедой.

Художник.

Я заикался, помню: «Б-белла, Б-беллочка».
И больше ничего не мог промямлить.

Белла.

А стихи? Твои стихи. Я унесла их в сердце.

Художник и Белла.

Вечер, сад.
Месяц, ты.
Сказка, ласка
Резеды.
Поцелуешь
Иль обнимешь
Или скажешь:

Отойди...
Губит ласка,
Любит вечер,
Запах сада,
Резеды...

Белла.

Но, между прочим, господин поэт,
Ты вел себя не очень-то прилично
Для первого свидания:
Сел близко-близко,
За руку схватил
И долго так держал,
Не отпуская.

Художник.

А ты пыталась вырваться, скажи?

Белла.

Да я от дерзости такой окаменела!
Ну, думаю, попался мне нахал!
Бесстыдник! Сердцеед!
Наверное, немало головок закружил он.

Художник.

Ой, как ты ошибалась!

Белла.

Молчи! Я знала всех твоих девчонок!
Наперечет!

Художник.

Следила? Ну что ж, не скрою,
Имел успех.
Но только робок был в делах амурных.

Белла.

Не ври! Мне говорила Нина из Лиозно,
Что ты...

Художник.

Ай, Нина, Нина... Ну, целовались мы...
Пришли к ней в дом.
И вдруг нас поздравляют родители ее,
Как жениха с невестой.
Я испугался и убег!

Белла.

«Убег»! Фи, как не стыдно!

Художник.

Ну извините, гимназистка Белла,
Сбежал, сбе-жал... Но в ту минуту
Я именно «убег». Прости..

Белла

Анюта, например... Была такая?

Художник.

Четыре года я по ней вздыхал.
Она нарочно надевала облегающее платье,
Дразня меня фигуркою своей.
И вот однажды...
Прощаясь с ней перед калиткой...
Не знаю, как произошло все это...
Ну, в общем... я ее поцеловал!

Белла.

Бесстыдник! Ловелас!
И что же дальше было?

Художник.

Ты понимаешь,
Мой поцелуй был роковым.
На следующий день
Ее лицо покрылось прыщиками!

Белла смеется.

Ну, между прочим, ничего смешного нет.
Ой, что она ни делала, бедняжка!
Давила их, морила, терла — все впустую.
Грозилась, что убьет меня при встрече,
Что я сгубил ее.
Но тут на счастье актер заезжий
подвернулся.
И прыщички прошли, и замуж вышла
Анюточка моя.

Белла.

И главное, что ты живым остался!

Оба смеются.

И вот тогда ты стал приударять за Теей?

Художник.

Твоя подружка... Ты ведь знаешь,
Как рыбу-фиш готовила она!

И перчик там, и лист лавровый,
И бурачок вокруг на блюде, зелень!
Какой вкуснющий натюрморт!
Семь пальцев было бы — и те бы облизал!
Ну мог ли я не полюбить
Твою подружку Тею?
И каждую субботу, как часы,
Я был у них.
И вот однажды...

Белла.

Да, да, однажды...

Художник.

Вечер. Тея занята, готовит ужин.
А я лежу на кожаном диване,
Разглядываю потолок,
И аромат печеных тейгахц из кухни
Мне мутит душу.

Белла.

Вот обжора!

Художник.

Нас восемь было — братьев и сестер.
Я — старший, потому всегда голодный.

Белла.

Ну, извини, родной...
Я, право, не хотела...

Художник.

Так вот... О чем я, дай-ка вспомнить.

Белла.

Стареешь, друг мой.
Рассказывал ты мне про Тею.
Лежишь на кожаном диване, значит,
И вдруг...

Художник.

Да, да! Звонок!

Белла.

Отец ее?

Художник.

О нет, пришла ее подружка.
Они стоят в прихожей и болтают.
Я слов не различаю — слышу только

голос.
Но почему тревожит он меня?
Мне любопытно: кто она такая?
Встаю.... Иду к двери... Открыл ее..

Белла.
И что же?

Художник.
Ну что ты спрашиваешь, милая!
Ведь ты все знаешь!
Я дверь открыл — и вдруг:
Ее глаза!

Ткнул кистью в холст.

Вот эти!
Летящие навстречу!
Большие, выпуклые, черные!
И понял я: это мои глаза,
Моя душа,
И смотрит на меня сейчас,
Не просто девушка,
Не теина подружка,
Не Белла Розенфельд,
А жизнь моя,
Моя жена!

Белла.
А я едва не прыснула от смеха.
Стоял передо мной, раскрывши рот,
Юнец взъерошенный, с пунцовыми щеками,
С глазами, как у козлика, косыми...

Художник.
Ме-е-е-е-е!

Смеются.

Белла.
«Кто он такой?» — спросила я у Теи
На следующий день.
«Сын грузчика из рыбной лавки».
«А сам?» — «У Шмерца, у фотографа, в учениках.
Когда-нибудь он станет знаменитым, вот увидишь,
И будет «фотоателье Шагала»
На самой главной улице у нас».

Художник.
О, как я ненавидел то, что делал!

Я кисточкой замазывал веснушки,
Забеливал морщинки, выпрямлял носы.
Глупейшее занятие! Зачем мне делать
Почтенных старцев молодыми?
Всех одинаковыми, на одно лицо?
Лишать их образа, подаренного Богом?

Подходит к вешалке, надевает котелок. Далее — в образе Шмерца.

Шмерц.

«Зачем?» Глупец! За это платят деньги!
Приходит к нам базарная торговка,
например,
И хочет стать немножко знатной дамой.
О, вейг з мир, на здоровье!
Что нам жалко, мальчик,
Дать людям то, чем их обидел Бог?
На вывеске у Шмерца, между прочим, две медали —
Он что угодно может сотворить!
«Простите, вы урод?
У нас вы станете красавцем!»
«Вы потеряли глаз? Мы вам его найдем!»
И Шмерц живет совсем почти как Ротшильд:
Имеет дом, прислугу, мебель из Варшавы
И спит с женой на панцирной кровати.
Чем плохо, а? Или ты хочешь, мальчик,
До старости таскать, как Хацкель,
Твой папаша, бочки?
Вонять на всех селедочным рассолом
И рассыпать по синагоге чешую?

Белла.

Был праздник шавуот, я помню...
Приехали мы к Шмерцу всей семьей —
Я, брат мой Мендель, папа с мамой.
Он всех нас рядышком под пальмой усадил...
Спокойно! Смотрим в стеклышко, сюда!
Щас птичка вылетит! Снимаю! Все, спасибо!

Швыряет котелок в сторону, принимает прежний вид.

Художник.

Твое лицо в моих руках дрожащих.
Я кисточкой не смел его коснуться.
Я ретушировал тебя губами —
Сто, двести, тысяча
Безумных поцелуев!

Белла.

И вылетел из фотоателье

За порчу снимков знатного семейства!

Отходит в сторону. Свет с нее снимается.

Художник.

Мне ничего от вас не надо, раби Шмерц.
Вот кисточка и тушь. Малюйте сами!
Я проживу без панцирной кровати,
Пусть только звезды будут надо мной.

Протирает руки к небесам. Снова становится старым, немощным.

О, бедные! Я вас одних оставил, звезды...
Над городом печальным и веселым,
Над улочкой горбатой, над халупой старой,
От сырости разбухшей, как картошка,
Упавшая в селедочный рассол...

Появляется Ангел в образе Мама. На плечах серебристая шаль. В руке сумочка. Тихая музыка.

Мама.

Сынок! О божье наказание, где ты?

Художник (*встрепенулся*).

То голос мамы... Звезды
Ее дыхание доносят...

Музыка становится громче.

Я слов твоих не слышу,
Но разве я не знаю,
О чем ты шепчешь, мама,
Умершими губами?

Мама.

Я колыбель качала
Твою, сынок, когда-то...
Ты пил меня по капле,
Кровиночка моя.
Но почему, скажи мне,
В ту ночь не ты, а звезды
Глаза мои закрыли?
А я ждала — тебя...

Художник.

Я слов твоих не слышу,
Но разве я не знаю,
О чем ты плачешь, мама,
Роняя слезы в снег?

Музыка смолкает.

Мама.

Сынок, да где же ты?
Ищу, зову, а он опять на крыше!
Когда за ум возьмешься, шалопай?

Художник (*самому себе*).

Как смел я не приехать из Парижа?
Ты так меня любила, так ждала, наверное,
А я...

Мама (*озабоченно*).

Ступай домой, переодень сорочку
И гребнем расчеши свои вихры.
Да смажь погуще их репейным маслом.

Художник.

Куда мы, мама?

Мама.

К Марголину Исааку.

Художник.

В скобяную лавку? Зачем?

Мама.

Ты будешь помогать ему в работе.

Художник.

Я? В лавке скобяной?

Мама.

Хвала Всевышнему,
Коль там возьмут тебя,
Обучат делу и хоть раз покормят
С приказчиками за одним столом.

Художник.

А что там на обед?
Небось, дверные петли?
Подковы? Топоры? Багры?

Мама.

Молчи, бесстыдник!

Художник.

Нет, мама, нет! Не убивай меня!

Мама.

У Шмерца — нет, у Рубинштейна — нет!

К Марголину идти — и тоже нет?
Когда же будет «да»?
Тебе отца не жалко?
Нас десять ртов, а он один на всех.

Тихая музыка — не то песня, не то молитва.

О Господи, услышь мои слова.
Не за себя прошу — за сына старшего,
За Мордуха, рожденного в ту ночь,
Когда полгорода в огне сгорело...
Ты уберег тогда его кроватку,
Ты сохранил младенцу жизнь —
Да будет имя Твое благословенно!
Так вразуми, Отец небесный,
Беспутного мальчишку:
Картинками одними
Сыт не будешь...

Художник.

О, мама, мама...
Когда она сажала в печку хлеб,
Я подошел и тронул ее
За перепачканный мукою локоть:
«Мама, спаси меня... Пойдем со мной...
На Гоголевской я вчера увидел
Большую вывеску: на синем фоне
Написано там было:
«Школа живописи», мама...»

Мама.

Ты хочешь стать художником?
Ты спятил! На за что!

Художник.

И вот идем мы в мастерскую.
Уже на лестнице пьянящий запах красок.
Картины... гипсовые головы... портреты...
«Что вам угодно?» — спрашивает мэтр.

Мама.

Не знаю, что с ним делать, господин учитель.

Вынимает из сумочки несколько «картинок».

Вот его рисунки...
Вбил в голову себе, что он...

Художник, надев очки, преображается в Мэтра. Рассматривает рисунки, шевелит губами.

Мэтр.

Так, так... Определенно что-то есть...

Мама.

Вот жаль, а то бы не было мороки.

Мэтр.

Но как-то дико... Пристрастье
К фиолетовому цветку.
Лица, небо, листья —
Все фиолетовое! Это же абсурд!
А вот смотри-ка, мальчик:
Самовар стоять не может так,
Как ты его поставил — он мигом упадет.
Ты понял?

Мама.

Пошли домой, сынок.

Прячет рисунки в сумочку.

Мэтр.

Нет, нет, мадам.
Ему учиться надо — и серьезно.
Скажи мне, мальчик, почему
Не соблюдаешь ты законов перспективы?
Как? Ты не знаешь, что это такое?
Давай с тобой посмотрим из окна.
Вон улица. На ней деревья, видишь?
Чем дальше от окна они, тем меньше,
И люди уменьшаются в размерах
По мере удаления от нас.
А у тебя? Мне непонятно, мальчик,
Как твой устроен глаз.
Ты видишь зорко, но не так, как в жизни
Эти предметы выглядят.

Снимает очки, выходит на авансцену.

Художник.

Где улица, учитель? Где деревья?
Дорогу вижу я, шатры среди песков,
Евреев обнаженных,
Бредущих под палящим солнцем
Из самого Мицраима в Израиль...

Мама.

О Боже, что он мелет?
Протри глаза и не позорь меня?

Смотри, идут евреи в синагогу
На праздник Песах, только и всего.

Художник.

Сама дорога молится за них,
Пылает небо, догорают свечи,
И половиной диска луна выходит
И глядит на всех
Большим прозрачным глазом.
И вдруг она срывается с небес!..

Мама.

Господь с тобой!

Художник.

И падает мне в руки!..

Счастливо улыбаясь, разглядывает свою ладонь. Большим пальцем правой руки смешивает на ней, как на палитре, воображаемые краски. Автор просит актера пронести этот характерный для Х у д о ж н и к а жест через весь спектакль.

Мама.

Ты балхалоймес, вот кто ты такой.

Художник.

Не спорю. Чокнутый маленько.

Кладет несколько мазков на «холст».

Мама.

Тебе на облаке бы жить, сынок.

Художник.

Вот было б здорово! И к звездам близко!

Мама.

С утра до вечера малюешь да малюешь.
Рубашки, простыни — все на картинки разодрал.
Пойди поешь хотя бы.
Я холодец сварила
Из телячьей ножки, слышишь?
Иль уши краской залепил?

Художник.

О мама, маленькая Фейга-Ита...
Одной тебе решался показать я,
Как прыгает через луну корова,
Как в синем небе танцуют петухи —
Причудливые сказки моих ночей бессонных.

Разворачивает перед Мамой несколько холстов.

Когда купала ты меня в тазу
И голым я стоял перед тобою,
Скрывал я разве наготу свою?
Стыдился разве я тебя, родная?
Я весь перед тобою на картинках этих.
Пойми меня хоть ты... Пойми...

Мама (*рассматривая холсты*).

Вот наша улица... Вот лавка... Вот цветы...
Красивые... Таких я не видала.
А это кто?

Художник.

Ты не узнала? Дядя Юда.

Мама.

Летает? Парализованный старик?
Да он же с печки не встает, а ты...

Художник.

А я решил ему подарок сделать —
За бороду легонько дернул —
и он взлетел.

Оба неслышно, заговорщически хихикают.

Мама.

А это чей портрет?

Художник.

О, это гордость мишпухи нашей,
Великий парикмахер!

Мама.

Дядя Зюся?

Художник.

Он самый. Бреет и стрижет
Всех витебских евреев.
Но так пытит при этом,
Будто пни корчует.
Когда я подарил ему портрет,
Он поглядел на холст, потом на зеркало,
Подумал и сказал: «Оставь себе, племянничек, на память».

Художник и Мама смеются.

Мама.

А дядюшка Исроэл, говорят,
И вовсе отказался, чтоб ты списал
с него портрет.

Художник.

Я умолял его. Мне так хотелось, мама,
Нарисовать его сидящим в синагоге,
Когда, раскачиваясь, он читает
Святую Тору.

Мама.

Он выставил тебя из дома? Да?

*Художник набрасывает на себя талес и преобразается в Дядю И с р о э -
л а.*

Дядя Исроэл.

Ты грешник! Нечестивец!
Выбрось краски!

Мама.

Так он кричал?

Дядя Исроэл.

Не помнишь разве, что повелел Господь?
Забыл Писание, негодник?
А ну-ка, повторяй за мной
Вторую заповедь пророка Моисея!

Мама и Дядя Исроэл (нараспев).

Не делай себе изваяний
Того, что вверху на небе,
Того, что внизу на Земле,
Того, что в воде,
И того, что под землей!

Х у д о ж н и к сбрасывает талес.

Художник.

Я убежал, я плакал, я молился...
«Творец великий, для чего, скажи,
Ты дал мне жизнь?
Глаза, которыми я вижу мир,
Тобою созданный?
И руки, в которые однажды
Вложил Ты кисть?
Я славлю красками все сущее вокруг —
Неужто грешен я перед Тобой?»
И он услышал, мама, мои слова, Господь.
Ведь он не поразил меня небесным громом,
Не ослепил, не кинул в бездну

За богохульные слова.
Он улыбнулся, мама, и сказал:
«Излей лазурь души своей на холст».

Мама.

Излей лазурь души своей на холст...
И все?

Мама.

И все! Но это же благословенье, мама!
О, как я снова кинулся в работу!
Я рисовал торговков, водовозов, нищих —
И был бы холст, и были б краски —
Весь Витебск перерисовал!
«Послушайте, зайдите ненадолго,
Садитесь вот сюда.
Вот так... Вот так...
Раскройте Тору, помолитесь.
Я дам вам двадцать пять копеек
За то, что вы немножко отдохнете».

Показывает Маме небольшую картинку.

Вот он, молящийся старик.

Мама.

Подумать только —
Двадцать пять копеек
За то, чтоб посидеть на табуретке!
Богач какой нашелся, посмотрите!
Тебе даю я деньги для того,
Чтоб ты обедал в школе.
А ты чахотку хочешь заработать?

Художник.

Послушай, мама... Не ругай меня...
Я школу живописи бросил.

Мама.

Ой, что я слышу! Мишугене ви але мишугоим!
Ты ж головой о стенки бился...

Художник.

И стукнулся своею головой
О голову чужую...
Поставил нам этюд учитель —
Гипсовую голову
Какого-то Вольтера, кажется.
Ну вот, сидим, рисуем.
Я мучаюсь, а все выходит криво.

Прикладываю к глазу карандаш,
Линейкой измеряю, как учил он.
Все зря — чудовище какое-то
С отвисшим носом,
А вовсе не Вольтер.
Учитель сзади ходит,
Глядит, как мы рисуем,
Все ближе, ближе —
Чувствую его спиной.
А нос проклятый этого ...Вольтера
Совсем как полумесяц изогнулся.
И тут я встал. Взял кисточки и краски
И — вниз по лестнице..

Мама

Глупец? На то он и учитель,
Чтоб поправлять учеников.
Что для него какой-то нос!
Он мигом бы тебе его подмазал.
Ты ведь видал его картины в мастерской?
Какая красота! И ты б такие рисовал,
Когда б хотел учиться.

Художник.

Не хочу!

Мама.

Ты хочешь плохо рисовать?

Художник.

Когда рисую плохо, это я,
Зачем себя калечить, мама?

Мама.

Сынок, плохой сапог никто не купит.
И все твои картинки будут при тебе.

Ворошит рисунки.

Заборы, козы, самовары...
Постой, а это кто? Чего молчишь?
Скрываешь?

Художник.

Эт-то Б-белла...

Мама.

Кто? Белла Розенфельд?
Вот это новость!
Ни отец, ни я об этом ничего не знаем.

Ты, может быть, на ней
Еще жениться хочешь?

Художник.
Да, может быть...

Мама.
Кто ты и кто она? Ты это знаешь?
У этих Розенфельдов
Три ювелирных магазина. Понял?
Я внутрь никогда не заходила,
Но на витринах!.. Господи, чего там только нет:
И кольца золотые, и браслеты,
И камни драгоценные, и серьги...

Художник.
Мне серьги не нужны. И кольца тоже.

Мама.
Кто за тебя отдаст ее, подумай!
И чем накормишь ты ее у нас?
Селедкой с луком?

Художник.
Послушай, мамочка...

Мама.
И слушать не хочу!

Быстро уходит в глубину сцены. Художник некоторое время стоит молча, погруженный в свои мысли. Потом достает из бочки скрипку, усаживается на конек крыши, играет. Появляется Ангел. Некоторое время наблюдает за Художником.

Ангел.
Скрипач на крыше?

Художник.
Семейная причуда.
Ты деда помнишь моего?

Ангел
Ну, как же! Его, бывало, ищут,
А он сидит себе на крыше
С улыбочкой блаженной,
И скрипочка в руках.

Художник.
Играл он скверно, еле-еле...

Ангел.

Зато с душой...

Художник.

Однажды, помню, я к нему забрался —

Совсем еще ребенком —

И спрашиваю: «Дедушка, зачем

Сидишь на крыше ты,

Как птичка воробей?»

А дед мне улыбнулся и сказал:

«Иаков, праотец наш, однажды видел

Лестницу чудесную во сне.

Она стояла на земле, малыш,

А верх ее касался неба».

«И можно, дедушка, по ней взойти туда?»

«А почему же нет? Ты только отыщи,

Где нижняя ступенька. Быть может,

Где-то здесь, на крыше...»

Ангел.

С тех пор ее ты ищешь?

Художник.

Ага!

.

Ангел (звонко).

Вот лестница, смотри!

Игра света.

Художник.

Не вижу!

А н г е л перебегает на другое место.

Ангел.

Вот, вот она! Сюда!

Художник.

Где? Я ослеп!

Ангел.

Да вот же нижняя ступенька.

Становись!

Художник.

Стою. А дальше?

Ангел.

Карабкайся наверх. Но помни:
Не жалуйся, когда ослабнут руки,
Когда от голода сведет живот,
Когда ночное воронье
Тебя забьет до полусмерти
Своими клювами...

Художник.

Пугай, пугай - мне все равно не страшно!
Я вижу город — там судьба моя.
На улицах и площадях там море красок,
Поющих и кипящих, как вино.
Там двадцать, тридцать, сорок тысяч
Художников со всех концов Земли,
И среди них один, неистовый, который
Себе отрезал ухо, чтоб писать
Картины так, как Бог ему велел.

Свет медленно гаснет. Мощно звучит орган. Темнота. Когда сцена освещается вновь, в наступившей тишине слышится разноголосица множества тикающих часов. Вбегает ликующая Белла, в руке у нее конверт.

Белла

Любимый! Еле дождалась,
Пока отец уйдет из магазина.
Какое счастье — мы наедине...
Вынимает из конверта письмо. Прислушивается.
Нет, нет, мы не одни.
Ты слышишь — рядом дышит
Стена часов, отсчитывая время.
Заливчато будильники смеются,
И ходики ворчат, как старики.
Я им скажу сейчас: «Остановитесь!
Замрите, стрелки, маятники, гирьки!»,
И время остановится для нас.

Тиканье часов резко обрывается. Б е л л а разворачивает письмо.

Любимый, говори!..

В другом конце сцены появляется Х у д о ж н и к.

Художник.

Я на четвертый день чуть не удрал отсюда.

Белла.

Ты? Из Парижа?

Художник.

Голодный, безъязыкий, никому не нужный,

Я ночевал то под мостом, то в сквере,
Укрывшись до подбородка
Звездным небом.

Белла.
Бедный!

Художник.
А днем выпрашивал
у рыночной торговли
Пол-огурца или рогалик сладкий.
И я б вернулся, если бы не он...

Белла.
Кто?
Лувр! Билет за два сантима —
И предо мной открылся лик богов.
Я, как прикованный, стоял перед Рембрандтом...
Шарден, Курбе, Делакруа...
Ван-Дейк и Веронезе...
Как мог я жить, не видя их, скажи!
Великие, они не презирали
Бездомного мальчишку из России,
Они показывали мне свои полотна,
Они тайком молились за меня.

Белла.
А тот, неистовый, который
Себе отрезал ухо?

Художник.
Он умер... Но на площади Мадлен,
В картинной галерее, он мне сказал:
«Шагал, не ползай по поверхности Земли,
Переверни тот пласт, что видят все,
И окунешься в первозданный хаос,
В первоначало линий и цветов».

Белла.
Я рада за тебя. Ты счастлив, Марк?

Художник.
Как без тебя могу я быть счастливым?

Белла.
Это правда?

Художник.
Спроси любого из моих друзей.
Пусть скажут,

Чье имя на губах моих и днем, и ночью.
Когда б ты здесь была, в моей убогой келье,
Я познакомил с ними бы тебя.
Гийом Аполлинер с улыбкой неизменной,
Фернан Леже и самый близкий —
Сандрар...

Белла.

Художник?

Художник.

Поэт. Великий, Белла!
Лавина солнца, бедности и рифм!
Врывается он шумно, как сирокко, в мою мансарду,
Гремя написанными только что стихами,
И все крушит и валит в мастерской...
Сандрар...

Быстро надевает шляпу с широкими полями, обматывает шею ярким шарфом. В руках у него большая сумка. Далее — в образе Сандрара.

Сандрар.

Шагал, танцуй! Мы — богачи!
Мне в «Суаре» авансик отстегнули.
Мы будем пировать, зови ребят.
На ужин будет только буква «С».
Выкладывает из сумки несколько пакетов.
Салатик, сыр пикантный, соус, спаржа...
Филе свиное... Ай, что ж я натворил?!
Мой милый иудей, «хрю-хрю» тебе нельзя,
Но нас, безбожников, помилуй и прости.
Да оторвись ты от бумажек, слышишь?
Опять, небось, невесте шлешь стихи?
Ступай на кухню, живо!
Я с нею без тебя поговорю!

Приподнимает шляпу.

Бонжур, мадмуазель

.

Белла.

Бонжур, месье Сандрар.

Сандрар.

Ваш сумасшедший друг...

Белла.

Жених!

Сандрар.

О, да, пардон — жених,
Но все же сумасшедший —
Привез нам из России
Невероятный город.
Поверьте мне, мадмуазель,
Париж такого не видал!
Кубисты, импрессионисты, футуристы —
Все это, честно говоря, оскомину набило.
И вдруг какой-то маленький еврей
Усаживает скрипача на крыше — о-ля-ля!
Раввина в длинном лапсердаке
Заставляет подняться в небо —
Ну что за сумасброд ваш Марк!
А кошка с человеческим лицом?
А голова, летящая, как мяч, навстречу солнцу?
И так светло становится в душе,
Так весело, как будто цирк приехал
И ты в коротеньких штанишках и матроске,
Разинув рот, глядишь на эти чудеса.

Белла.

Он просто вам рассказывает сны.

Сандрар.

И в этих снах мы часто видим вас.

Белла.

Меня?

Сандрар.

Как сказочную фею, плывущую над крышами домов.
Мы с вами познакомились давно.
И я, и Модильяни, и Хаим Сутин, и Фернан Леже —
Все, кто живет в огромном деревянном доме,
Похожем на пчелиный улей,
В котором сотни келий-мастерских
Для гениев непризнанных и нищих.
И вот, когда мы соберемся, как сегодня,
В мансарде у Шагала —
И греки говорливые, и итальянцы с гитарой,
Цыгане, русские — все наше братство,
И вы, глядящая на нас со стен мансарды,
Тоже с нами. я почитаю вам свои стихи...

Роется в карманах, вынимает несколько смятых листков. Разворачивает один из них. Читает.

«Про Шагала.

Корову берет — и коровой рисует.

Церковь берет — и ею рисует. /

Селедкой рисует,
Ногами, руками, кнутом,
Головами,
И всеми дурными страстями местечка еврейского,
Всей воспаленною страстностью русской провинции,
Рисует для Франции,
Чувственности лишенной,
Рисует всем телом,
Глаза у него на заду.
И вдруг — перед вами портрет...
Это ты, читатель,
И я.
И он сам,
И невеста его,
Бакалейщик с угла,
И молочница,
И повивальная бабка...
Каждый день
Совершает он самоубийство.
И вдруг перестал рисовать.
Это значит
Спит он теперь».

Смешно храпит. Белла смеется. Сандрар кланяется. Белла аплодирует ему.

Шагальчик, что молчишь?
А ну-ка расскажи нам, милый,
Как заработал ты на той неделе
Четыре франка.

Снимает шляпу и шарф.

Белла.
О Марк, родной!
Купили, наконец, твою картину?
Поздравляю!

Художник.
Увы! На вернисаже
Никто и одного сантима мне не дал.
Кубисты в моде, их берут охотно.
Ну и пускай едят себе
Груши квадратные на треугольных столиках.

Белла.
А как же те четыре франка?
Или Сандрар соврал?

Художник.

Смеяться будешь. Анекдот.

Белла.

Ну, говори же, Марк.

Художник.

Снимали фильм. Нужна была массовка.

Я изображал ученика известного художника,

Влюбленного в натурщицу.

Белла (*ревниво*).

О, это интересно!

Художник.

Ну вот... Накрыли нам роскошный стол

На берегу большого озера. Мы сели.

И начали взаправду уплетать за обе щеки.

Вот уж когда наелся до отвала!

Художник и Белла смеются.

Потом велели нам катать

Своих прекрасных дам на лодках.

Я посадил свою натурщицу и сел на весла.

А как грести — не знаю! Вот беда!

Бью веслами, а лодочка ни с места.

Я чуть не плачу, а мадам хохочет.

Грозит мне оператор кулаком,

Ну что мне делать? Вдруг одно весло

С ключины сорвалось. Я перегнулся,

Чтоб его достать, а лодочка — бултых!

И мы с мадам в пучине!

Белла.

И поделом тебе!

Художник.

Но все же мокрый и продрогший

Я в кассе свои четыре франка получил!

Белла.

Ты весело живешь.

Художник.

Когда увижу я тебя? Когда?

Музыка.

А шак па же тэ вуа.

Белла.

Когда иду я, ты передо мной.

Художник.

Же тэ вуа дан мон соммей.

Белла.

Когда я сплю, ты передо мной.

Художник.

Же тэ вуа дан ма тристесс.

Белла.

Когда грущу я, ты передо мной.

Художник.

Же тэ вуа дан ля солитюд.

Белла.

Когда один я, ты передо мной.

Художник.

Нюи э жур же тантан.

Белла.

И днем и 'ночью слышу я тебя,

Художник.

Же тантан дан ле муэндр брюи.

Белла.

В малейшем шорохе слышу я тебя.

Художник.

Же тантан каун он маппель.

Белла.

Когда зовешь, слышу я тебя.

Художник.

Же тантан сильянсьез.

Белла.

Когда молчишь, слышу я тебя.

Перемена света. Музыка становится тише.

Французик мой! Четвертый год пошел,
Как ты флиртуешь с Эйфелевой башней.
Приехать обещал на праздник Суккот...

Художник.

Да, собирался.

Белла.

А ведь нынче Песах.

Мне так тоскливо, слышишь?!

Так одиноко

За праздничным столом.

Ну не могу я больше без тебя!

Художник.

Я еду!

Белла.

Правда? Повтори!

Художник.

Да, еду! Еду!

Возникает разнобой тикающих часов.

Белла.

Быстрее, ходики! Будильники, быстрее!

Часы, протрите ваши циферблаты!

Он едет, слышали? Он едет!

Ах, старый маятник, я слышу:

Замешкался ты снова и кряхтишь.

Вперед, вперед, ведь скоро должен ты

Всем возвестить, что свадьба началась,

Что мы сидим под красным балдахином

И «мазлтов» кричат со всех сторон...

Взорвалась огненная музыка — «фрейлехс». Художник, смеясь, напяливает на себя шитую из разноцветных лоскутков шапочку, подвязывает к носу красный клоунский шарик и превращается в свадебного шута — «бадхена».

Бадхен.

Мазлтов! Мазлтов!

Мазлтов! Мазлтов!

Вы спросите ,евреи, почему

У бадхена сегодня нос краснее,

Почему?

Отвечу вам: сидит вот там нахал,

Который мне его разрисовал.

Он, извините, не извозчик, ой!

Он ,извините, не разносчик, ой!

Он не пирожник, не сапожник,

Он называется «художник».

Ой! Ой! Ой!

А рядом с ним сидит его невеста.

Ой, как ты ,мое солнышко, прелестна!

И умница, и скромница она,
И будет верная ему жена.
Он увезет ее в Париж, тут нет вопросов!
А нас оставит всех вот с этим красным носом!

Притворно плачет. Но вдруг резко сбрасывает шапочку и «нос». Гремит свадебный танец. Художник и Белла танцуют. Она — в свадебной фате.

Белла.

Ты был в управе? Что тебе сказали?

Художник.

Мне возвратили мой парижский паспорт.
Градоначальник витебский сказал:
«Европа, господин Шагал, закрыта.
Придется подождать: война!
Вот сломим шею кайзеру Вильгельму, тогда...»

Белла.

Когда — тогда? Когда?

Художник.

Не знаю.

Белла.

Четырнадцатый год,
пятнадцатый,
шестнадцатый...

Бои, окопы, канонады, вши.
Раскинув руки, падают солдаты,
И тащится по всей Европе поезд, —
Стучат колеса, дымный хвост струится,
И в темном пломбированном вагоне
В Россию революцию везут...

Художник и Белла (тихо и тревожно).

Мазлтов! Мазлтов!
Мазлтов... Мазлтов...

Медленно танцуют. Постепенно гаснут огни. Темнота. Звук тикающих часов постепенно вытесняет музыку.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Там же. Из темноты возникает А н г е л.

Ангел.

Сегодня в восемь сорок пять
Он сел на утренний почтовый
И в полдень был уже в Париже.
Зачем? Так редко старый мастер покидает
Свой дом в местечке Сен-Поль де Ванс
На юге Франции,
Где он живет последних два десятка лет...

Появляется Х у д о ж н и к.

Художник.

Зачем? Смеяться будешь, Ангел.
Поехал в Лувр.

А н г е л недоуменно улыбается.

Ангел.

Действительно, смешно. Причуда?

Художник.

Нет.

Ангел.

Хотел еще раз поглядеть на Босха?

Художник отрицательно качает головой.

На Тициана? На Рембрандта?

Тот же жест.

Тогда — зачем? Весь Лувр

Ты в памяти хранишь.

Что нового открыть тебе он может?

Художник.

Вчера, зайдя на кухню,

Я невзначай вдруг в руки взял

Ту маленькую штучку,

С которой наша экономка

Обычно на рынок ходит

И, нажимая кнопки,

Подсчитывает стоимость продуктов.

Ангел.

Все ясно: ты, великий, стал считать свои доходы.

Художник.

Нет, Ангел, нет.

Ангел.

Или издержки... Недавно, говорят,
Ты отказался от заказа
На триста тысяч долларов.

Художник.

Да, было...Если б поднажал,
То вдвое больше мог бы отвалить
Мне нефтяной король Онасис.
Ему, ты понимаешь, взбрело на ум,
Когда он на Жаклин женился,
Чтоб им прогулочную яхту
Расписал Шагал.

Ангел.

О, как бы он гордился этим!

Художник.

А я его послал ко всем чертям!

А н г е л т о р о п л и в о к р е с т и т с я .

Чтоб я его корыто малевал
С таким же вдохновеньем,
Как витражи Реймского собора?
Или плафон в «Гранд-опера»?
Шагал не продается, знай.

Ангел.

Ну, хорошо... Так что же ты считал
На этой штучке?
Ах, да...Я повертел ее в руках,
Потом нажал три кнопки:
«Три», «шесть» и «пять» —
Ведь столько дней в году,
Затем умножил на число годов прожитых
И получилось...

Ангел.

Сколько?

Художник.

Много, Ангел, много. А тех, оставшихся,

Совсем наперечет...

Ангел.

И ты помчался в Лувр?

Художник.

Ну да.

Ангел.

Зачем?

Художник.

Не смейся только...

Прикинуть захотелось,

Где буду я висеть.

И как все это будет,

Когда меня не будет.

Ангел.

Да очень просто!

С фантазией твоей неужто не представишь

Мадам Антуанетту, например,

Ведущую экскурсию по Лувру?

Мгновенная трансформация — на лице Ангела появляются очки, на плече элегантная сумочка, в руке указка.

Антуанетта *(с приветливой улыбкой).*

Медам... месье... Мы с вами в зале Шагала.

Родился... Жил... Любил... Творил...

Страдал... И умер.

Художник *(самому себе).*

А сколько прожил он?

Антуанетта.

Двух лет великий мастер

Не дотянул до своего столетья.

Художник *(погружен в себя).*

Хотел я руками своими

Обнять всю Вселенную разом.

Тридцать пять тысяч дней

Мне отпущено было на это.

Тридцать пять тысяч солнц

По утрам зажигали мне краски.

Тридцать пять тысяч лун

Озаряли ночи мои.

Тридцать пять тысяч раз

Умирал я и вновь рождался,

Потому что видел во сне

Краски нового дня.

Антуанетта.

Налево посмотрите... И направо...
Волшебный колорит... Фантастика.
Гротеск...
Великолепный сюр... Супрематизм...
Кубизм...
Симультанизм... Изм, изм, изм...

Художник.

Мне «измы» эти равно чужды.
По-моему, искусство — это
Состояние души.
Она свята, душа, она свободна,
Мадам Антуанетта,
Она творит стихийно,
И в ее палитре среди многих красок
Всегда есть цвет,
Дающий смысл и жизни, и искусству —
Цвет любви.

.

Антуанетта.

Великий... Гениальный... Выдающийся...
Французский живописец Марк Шагал...

Художник.

Французский?

Антуанетта.

Кто сомневаться может в этом?

Художник.

Но он родился, кажется, в России
И никогда ее не покидал... в душе.

Антуанетта.

Про душу я не знаю.
Но Родина ему сказала: «Вон!»
И с корнем вырвала его из сердца.
Кто спас его? Париж!
Кто сделал знаменитым?
Россия или Франция? Месье, наверное,
Забыл об этом?

Художник (*очень тихо*).

Да, да... Я, кажется, забыл.

Антуанетта.

А знаете ли вы, что незадолго
До смерти он приезжал в Москву

На выставку своих картин...

Художник.

И в голубых его глазах стояли слезы —

Так, помнится, писали все газеты.

Антуанетта.

Да, слезы, ностальгия... Я согласна.

Но почему, скажите, почему

Он все же не поехал

В свой любимый Витебск,

В столицу очарованного царства,

Которую полвека не видал?

Ага, молчите!..

И был билет, и только ночь пути.

Так почему же, чиркнув спичкой,

Он сжег его и улетел назад, в Париж?

Художник.

Не знаю, почему! Отстаньте!

Не мучайте меня.

Антуанетта.

Мадам, месье, прощаемся с Шагалом

И переходим в следующий зал...

Уходит.

Художник.

Не мог поехать... Заболел... Быть может,

Простудился... Или схватило сердце,

Когда перед музеем на Волхонке

Увидел тысячи людей, пришедших на Шагала.

Возникает мелодия песни, которую пела Мама.

Я ль не хотел тебя увидеть, город?

Нет краски, нет картины у меня,

В которой не струился бы твой свет.

Я никогда с тобой не расставался,

Как с мамой...

Из глубины сцены медленно идет Мама.

Мама.

Сынок, ты был так близко —

И не приехал на мою могилку...

Художник.

Ты каждый день идешь ко мне

По витебским горбатым улочкам

И улыбаешься, совсем как я,
Она моя, улыбка эта.

Мама.

Твоя, сынок, твоя.
И папина немножко. Помнишь,
Как приходил он вечером домой
В канун святой субботы
И, вывернув карманы, раздавал
Подарки вам?

Художник.

Миндаль! И груши в сахаре! И пирожки!
Чего там только не было, в карманах этих!
А он глядел на нас, галчат голодных,
И в бороду свою, не стриженую сроду,
Беззвучно улыбался...
Под снегом где-то рядышком лежат
Святые, не погасшие улыбки...
Где камень «Хацкель Мордухов Шагал»?
Где камень «Фейга-Ита», где?

Опускается на колени. Тихо читает поминальную молитву.

Мама.

А папа умер так... Нес бочку тяжеленную
Через дорогу и не заметил, как из-за угла
Машина грузовая вывернула и... насмерть.
Я прибежала: «Хазя... Хазя...»,
А он уже хрипит...
И в папиной крови селедка
Размазана по мостовой...

Художник поднимается — подходит к маме, нежно гладит ее.

Художник.

Где это было, мама?
На Старомонастырской?

Мама.

На улице Буденного, сынок.
А Старомонастырской нет в помине.
Все улицы у нас другими стали:
Коммунистическая вместо Богословской,
Канатной нет. Вокзальной,
Петербургской.

Художник.

А наша как, Покровская? Осталась?

Мама.

Она у нас Дзержинского теперь.

Художник.

А та, где синагога, помнишь?

Мама.

Какая синагога!

Теперь ни синагог, ни тех, кто в них молился.

Лежат в лесу за городом, в овраге,

И руки простирают к небесам.

Художник.

Мне страшно, мама. Вроде город есть,

Все так же называется на карте,

А ведь на самом деле — нет его,

Он умер, сгинул, как Помпея...

А этот новый — он совсем другой...

Куда бы я приехал, мама?

На пепелище грез своих?

Чтоб разорвалось сердце?

Ведь даже камней надгробных

На могилах ваших я не нашел бы...

Мама удаляется.

Да, чиркнул спичкою и сжег билет,

Чтоб навсегда остаться

В том городе, где до сих пор живут

На улицах малиновых портные,

Разносчики, раввины, водовозы,

Где скрипачи пиликают на крышах

Для кротких фиолетовых коров.

Там на груди коричневого неба

Увижу облако, плывущее навстречу...

Появляется Белла.

Оно протянет руки, улыбнется,

И я тогда пойму, что это ты!

Белла.

О, Марк!

Художник.

О, Белла!

Бросаются друг к другу и долго стоят обнявшись.

Я вновь тебя увидел — знаешь, где?
В Москве, на выставке Шагала.
В запасниках у них
Пылились мы, любимая, с тобою...
Почти полвека!
Открыли дверь и выпустили нас —
Как арестантов на свободу.

Белла.
Урра!

Художник.
И мы взлетели снова —
Художник и его невеста!
И люди, глядевшие на нас с улыбкой,
Украдкой вытирали слезы.

Белла.
О, Марк, ты научил меня летать.

Художник.
А может быть, не я, а время?

Белла.
Нет, нет, я помню этот день.
Ты только что приехал из Парижа.

Художник.
И скрипачи готовились сыграть
На нашей свадьбе «фрейлехс»...

Белла.
Я принесла тебе цветы
Поздравить с днем рождения, а ты...

Художник.
Меня... Меня вдруг молнией прошибло, Белла.
Я чистый холст поставил на мольберт...

Бэла.
Постой! Ты все уже сказал своей картиной.
Теперь дай слово мне...

*Х у д о ж н и к отступает в глубину сцены.
В световом луче только Б е л л а.*

Тот день... В руках моих цветы...
Ищу, куда бы их поставить.
А ты набросился на холст —

Дрожит он под твоей рукой.
Ты окунаешь кисти —
Красный, синий, белый!
Беснуются и пляшут краски!
Я втягиваюсь в их поток.
И вдруг — ты отрываешь меня от пола
И сам срываешься в порыве,
Как будто тесно в комнате тебе.
Ты вытянулся, ты плывешь наверх,
В твоих глазах я слышу песню неба....

Электронная музыка. Со свечой в руке появляется Х у д о ж н и к.

Художник.

То царь Давид перебирает струны
Своей певучей арфы.
И кажется ему, что он зажег
Еще одну звезду на небе.

Белла.

Когда вползала ночь
В нехитрый наш альков
И простиралась рядом с нами,
Гасили мы бесстыдную луну,
И свечи белые цветов
Одни лишь были
Свидетелями наших тайных ласк.

Художник.

Она лилась к тебе, моя любовь, —
На волосы, лицо и руки,
Перетекая вся в тебя,
Моя жена, любимая моя,
Миндалина сладчайшая и горькая,
Жена моя, любимая моя...

Становится темно. Сквозь музыку прорывается плач младенца. Сцена освещается. На руках Х у д о ж н и к а завернутый в одеяло ребенок. Х у д о ж н и к пытается напоить его из бутылочки с соской.

Пей, детка, сладкую водичку.
Не нравится? А что прикажешь делать?
Нет молочка у мамы, нет.
А ведь согреться надо,
Ты как ледышечка совсем.

Дыханием пытается согреть ребенка.

Я вечером вчера последнее полено
В печь бросил, и всю ночь мы спали,

Как в лесу,
Вот только без луны и облаков.
К утру твою кроватьку снегом занесло,
И папа очень испугался
И, честно говоря, заплакал —
Ведь у него глаза на мокром месте,
У папы твоего.
Продолжая баюкать ребенка, подходит к зеркалу.
А вот сейчас, гляди, его глаза смеются.
Давай-ка папу нарисуем, да?
Ты полежишь тихонько, ладно?
Вот умница...

Бережно укладывает ребенка, растирает замерзшие руки. Берет в руки кисть. Музыка.

Я слышу трепет крыльев... Ангел, это ты?
Спустись сюда, крылатый мой помощник,
Дай мне лазурь берлинскую, ты слышишь?
Ту самую, которую
Я приберег когда-то для себя...
Эй, Ангел, где ты?

Появляется Ангел в красной накидке, напоминающей длинную шинель. На голове лихо надета шапочка — нечто вроде шлема — с красной лентой наискось. Это, как мы позже узнаем, комиссарша Лушка. Х у д о ж н и к оторопел. В страхе отступает от нее.

Лушка.
Шагал?

Художник.
Шагал.

Лушка.
Художник?

Художник.
Вроде.

Лушка.
Чего ж ты кличешь ангела, мужик?
Чай образованный, антилигентный,
А в Бога веруешь.. .А ну-ка вспомни
Наш пролетарский гимн.

Хрипло поет.

«Никто не даст нам избавленья»...
Подтягивай, давай. Чего молчишь?

«Ни Бог, ни царь, и ни герои!»
Вот так? И заруби себе покрепче:
Ни ангелов, ни Бога нету. ?
Все выдумки поповские,
Чтобы простой народ колпачить.
Понял?

Скручивает «козью ножку»,] с наслаждением затягивается махорочным дымом. Подходит к мольберту.

Посмотрим, что ты там малюешь.
Во , чучело какое! Ой, умора!
Кривляется, пытается изобразить увиденное. Хохоchet.
Ну, ничего, каликатуры тоже
Сгодятся рабочей власти.

Художник резко закрывает мольберт. Лушка рассматривает другие картины.

Художник (себе).
О Господи, ты дал талант мне — так считают.
Но почему ты поскупился
Мне подарить внушительную внешность
И зычный голос,
И мускулы такие,
Чтоб мог я постоять,
За честь свою и за тебя, о Боже.

Лушка.
Ты что там, молишься, дружок?

Художник.
Да кто вы, черт возьми,
И по какому праву!..
Кто разрешил вам?!..

Лушка.
Сама себе права дала.
Сама себе все разрешила.
Давай знакомиться.
Люция. Революция.
В народе просто Лушка.
Пойдем со мной.

Художник.
Куда?

Лушка.
А напужался как!
На улицу, к народу. Будя

Коптить своим талантом небеса!
Там, за твоим окошком,
Кровавый бой кипит
С буржуйской гидрой.
Ты за царя или за нас?
За белых иль за красных?

Художник.

Вы знаете...

Лушка.

Я знаю: ты за нас!

*Торжественно прикалывает к его груди алую ленту. Громко хохочет.
Внезапно раздается крик ребенка. Лушка поражена.*

Эй, что я слышу?

Художник.

И дочка. Дочурка.

Лушка.

Ну, ты даешь! Колчак на нас идет,
К Москве Деникин рвется,
А он себе детей строгаёт, хоть бы хны!

Берет ребенка на руки.

Коль так, запишем в октябрюты
И будем строить с нею новый мир!

*Прикалывает к одеялу алую ленточку. Ребенок заходится в плаче.
Лушка, стараясь перекричать его, громко, почти криком, поет.*

«Мы смело в бой пойдем
За власть Советов.
И как один умрем
В борьбе за это!»

*Свет гаснет и через несколько мгновений вспыхивает снова. На сцене
один Художник.*

Художник.

Приснится же такое...
Будто бы Ангел в багряном оперенье
Летел над городом,
Держа в руках... Нет, нет, не кисть —
Сверкающее что-то, как лезвие ножа.
Что? Нож? У Ангела?
Ну что за бред приснился?

*Подходит к мольберту, задумчиво кладет несколько мазков.
Останавливается, замечает на груди алую нашивку.*

Какой же бред?..Он был здесь, Красный Ангел.
Его перо багряное на сердце.
Люция, Революция... Да, да.
Он, кажется, позвал меня с собою?
И я пошел за ним. Куда? Зачем? В народ?
О Боже, сам не понимаю, что творю!
Ведь с детства я боялся многолюдья —
Ревущих глоток, диких красных лиц.
Толпа — всегда погром, толпа — всегда расправа,
Убийство, кровь... Зачем художнику она?
По мне — ни войн, ни шума, ни пулеметной трескотни!
Сидеть бы просто на скамейке иль на крыше,
Иль в синагоге у открытого окна.
И чтоб глаза души открыты были миру,
И красок чтобы было вдоволь живых, поющих,
Чтобы писать невероятные картины.
А для чего иного эта жизнь нужна?

Пытается снять алую нашивку.

Сжигает сердце мне багряное перо.
Ты слышишь, Белла? Белла! Белла!..

*Затемнение. Затем вспыхивает луч света и в нем появляется Б е л л а.
Закрывает лицо ладонями. Некоторое время молчит. Вытирает глаза, говорит
медленно, едва слышно.*

О Марк, пишу тебе в Москву.
Не знаю, право, дойдет ли до тебя мое письмо.
Отчаянье... И руки опустились,
И слезы перехватывают горло.
Как описать тебе весь ужас, весь кошмар
Того, что здесь вчера произошло!
Автомобили нашего ЧК
Остановились возле освещенных
Витрин. И солдатня вломилась
В папин магазин...

Многоголосица тикающих часов переходит в какофонию.

Отец стоял окаменевший, шепча молитву.
А бандиты швыряли на одеяло, брошенное на пол,
И кольца, и часы, и портсигары,
Камеи, броши, запонки — все, все!
К ночи они ворвались к нам в квартиру,
Соседи слышали, как мать кричала:
«Гвалт!»

Срывали половицы, протыкали стены,
Забрали серебро — все до единой ложки.
Соседка деревянные дала.
Отец поднес свою ко рту и уронил —
И в суп стекали слезы...

Музыка смолкает. Еле слышно тикают часы.

У Достоевского, ты помнишь, Марк:
«Коль Бога нет, то все дозволено».
На эту тему я выпускное сочинение писала.
Теперь не краской типографской,
Не почерком моим неровным, детским —
Густою, липкой кровью
Написаны слова пророка.
Как дальше жить? Не знаю, Марк...
Быть может, Луначарский похлопочет,
Чтоб разрешили выезд за границу?
Дров нет по-прежнему. Кормить малышку нечем.
Осталось полстакана крупы пшеничной.
Привези хоть фунта два конины —
В Москве, я слышала, она как будто есть...

Белла продолжает говорить, но слова ее заглушает мажорная музыка двадцатых годов. Свет с Беллы снимается. Появляется Художник.

Художник.

Любимая, тревожусь: что случилось?
Ни строчки от тебя за целый месяц.
Как вы живете? Как малышка Ида?
Ночей не сплю я, думая о вас...
Меня сегодня принял Луначарский.
Он знал меня когда-то по Парижу.
Нарком с тех пор ничуть не изменился:
Пенсне, борода и усмешка фавна...

Преображается.

Луначарский.

Я помню, миленький, картины ваши.
Писал о них статьи... Да, не все
Я принимал тогда и нынче не приемлю.
Капризы, нарочитость, бред, загадки.
Нет, нет, увольте, это не мое!
«Вы маленький безумный Гофман
Околовитебских трущоб» —
Так окрестил я вас когда-то.
Но, вместе с тем, мне нравилась,
Шагал, фантазия причудливая ваша,
И юмор, и курьез, и неизбежная веселость —

Какой-то праздник, озорство души, фантом!
Кто, как не вы. Шагал, должны быть нынче с нами?
Нет, за рубеж я вас не отпускаю.
Засучивайте рукава, голубчик:
В свой Витебск вы поедете с мандатом
Уполномоченного по делам искусств.

Художник снова принимает свой облик.

Художник.

Я вышел из Кремля, и тут случилось чудо:
От тела отделилась голова!
Да, да! И вверх взлетела, словно легкий шарик,
Подхваченный безумным ветром.
Ну что ты скажешь, милая, на это?
Что делать мне с шальной головой?
Я нужен Революции. Мы с ней,
Наверное, одной и той же крови —
Нам любо все перевернуть вверх дном.
Я мчусь домой: забот теперь по горло.
Во-первых, Академия искусств...
Да, в нашем Витебске,
Да, в нашем захолустье
Я соберу юнцов самозабвенных,
Девчонок босоногих
И скажу им:
«Берите кисти, краски и мольберты,
Цветущие, как вешний сад, палитры.
Я научу вас новому искусству.
Рисуйте Революцию, друзья!
Ей скоро год, мы ей устроим праздник
Зеленый — красный — желтый — голубой!»
О город! Дай нам стены домов твоих унылых,
Заборы и плетни, клоаки рынков!
Хмельным вином своих веселых красок
Мы все заставим танцевать и петь!
До скорой встречи, любовь моя!
Твой сумасшедший Марк Шагал.

Сцена уходит в затемнение. Когда свет возвращается, появляется Лушка с самокруткой в зубах.

Лушка.

Художник! Где ты, черт возьми! Шагал!

Носком сапога со злостью раскидывает книги, холсты.

Отсюда, точно, вся зараза.
Ну ничего, мазила!
Ответишь перед трибуналом

За то, что Революцию обгадил.
Входит Х у д о ж н и к. Удивлен, увидев Л у ш к у. Она молчит, не спуская с него лютых глаз.

По улицам ходил?

Художник. Ходил.

Лушка.
Полюбовался пачкотней своей?

Художник.
Полюбовался.

Лушка.
Теперь придется отвечать.

Плевком гасит сигарку.

Художник. За что?

Лушка.
Послухай, контрик, ты в кошки-мышки
Играть со мной надумал, да?
Тебе приказ был спущен
Украсить город ко дню Октябрьской
годовщины,
Героев, павших за свободу, прославить,
А живых призвать к борьбе за власть Советов.
А ты? Что сделал ты? Привел на улицы
Каких-то коз беременных,
Коров зеленых, коней с хвостами, как у петухов.
Ты саботажник! Откуда ты списал чудовищ этих?

Художник.
Я думаю, в республике Советов
Животные имеют равные права с людьми.
Корова, например... Она на самом деле
Философ замечательный и мудрый,
Но только очень скромный, молчаливый...

Лушка.
Чего ты мелешь?!

Художник
А перед каждой лошадью готов я
Встать на колени и поржать немного,
Чтоб улыбнулась мне она в траву.

Лушка.

Ты псих или как зюзя?

Художник.

Скорее псих, товарищ комиссар.
На Песковатиках, где я родился,
Был рядом с нами сумасшедший дом.
Наверное, микробов тучи по воздуху летали,
А я, разинув рот, их, видимо, глотал...

Лушка.

Заткнись, брехло!
Да, вот еще... Меня собака в детстве покусала.
Такая злющая... Как вы, простите...
Быть может, бешеная...
Я чуть-чуть не умер.

Лушка.

Куснула б я тебя, так точно сдох бы!
К врагам породы вашей я жалости не знаю.
Ну как, скажи, как угораздило тебя
Напротив памятника Марксу —
Марксу! —
Намалевать зеленую корову
С теленком в брюхе.
Ну при чем тут Маркс?

Художник.

Я Маркса не читал, простите,
А знаю только, что носил он
Седую бороду и был евреем.

Лушка.

Евреем он не мог быть никогда!
Не ври и не выкручивайся.

Художник.

Ну а зелень... Сказано ж в писанье:
«Возрадуется сердце ваше...

Лушка закрывает уши ладонями.

И кости ваши освежатся как зелень...»
Зеленое, поймите, это юность,
Побеги молодые, листья, тянущиеся к солнцу.
Ну как еще вам это объяснить? Не знаю!

Лушка.

Но почему телок просвечиваться должен
В коровьем брюхе? И почему летают рыбы в небе?
И где ты видел, чтоб мужик
Держал домище целый на плечах?

Художник.
Вы знаете, сказал однажды Дега
Поэту одному: «У вас серьезный недостаток,
Вы все понять хотите».

Лушка.
Кто, кто сказал?

Художник.
Дега.
Лушка.

Чека, Цека... Как говоришь? Де-га?
Такого я не знаю.
Ты не ответил на мои вопросы.
Почему...

Художник (*взорвавшись*).
Да я не знаю, почему! Не знаю!
Есть у меня в Париже друг,
Поэт большой и звонкий — Сандрар.
Он носит разноцветные носки
И пишет удивительные вирши,
Которые никто не понимает..

Лушка.
Хороший у тебя дружок!

Художник.
Хулителям своим ответил он в стихах.

Лушка.
Ты не темни. Валяй по делу!

Художник.
Он за меня сказал, Сандрар,
Одним лишь словом.
«Почему я так пишу? А потому!»
И все! Вы поняли?
А потому! А потому! А потому!

Лушка.
Молчать! Читаю приговор.
«Шагала Марка, бывшего уполномоченного
По делам искусств,
За саботаж Октябрьской годовщины,
За извращение марксизма
На улицах и площадях, и на заборах
Подвергнуть выдворению из города —

Немедленно, со всей семьей,
В двадцать четыре часа».

Срывает алую ленточку с груди Х у д о ж н и к а.

А мы тебе так доверяли, гад ползучий!

Быстро выходит. Х у д о ж н и к провожает ее взглядом. Подходит к мольберту, берет одну кисть, другую.

Художник.

Засохли кисти, пожухли краски...
Забыв себя, мечтал я, город,
Твои дома в музее превратить,
А лепет вдохновенный твоих детей
До неба донести... Глупец!..
«Все кончится провалом и обидой» —
Так говорила ты, любимая моя.
Ты все предвидела. Все так и вышло...

Сворачивает картины, собирает книги. Появляется Б е л л а. Устало опускается на табуретку. Оба молча глядят друг на друга.

Я понесла на менку два колечка
И брошку мамину. Откуда ни возьмись —
Милиция, свистки, облава!
Меня и нескольких торговков задержали,
В участок повели.

Художник.

О Боже!

Белла.

Я умоляла: «У меня ребенок!
Прошу вас, отпустите, Бога ради!
Хотела я лишь кольца обменять на масло
И на вязанку дров. Пустите...»

Художник.

О, бедная моя!..

Белла.

И отпустили. Только без всего...
Все отобрали.
«Эх, милая, — сказала мне одна из женщин,
Когда мы обе вышли из кутузки, —
Красючка ты, картинка расписная,
Да ты бы только бровью повела —
И все твое бы при тебе осталось.
Однажды, говорит, с мукой я еду —

Мешков, наверно, сорок было.
Вагон товарный, я одна... А тут патруль.
«Возить муку запрещено!» — кричат мне. —
Ты что, не знаешь! Вот указ!»
Ну что мне было делать? Я легла...
Все двадцать пять прошлись по очереди.
Насилу встала. Но зато мешки, все сорок,
Довезла до места».

Художник (*взволнованно*).
Эт-то ведь с ней случилось, не с т-тобой?
Т-ты просто говоришь ее словами? Да?

Белла.
Родной, конечно... Успокойся.
Бог с ними, с кольцами...

Художник.
Нет, нет! Мы оба здесь чужие.

Белла.
На улицах снимают почему-то твои плакаты.
Толпа на площади топтала
Всадника с трубой...

Художник.
Нас выдворяют, Белла.
Мы не ко двору...

Поглядел на часы.

Осталось семь часов на сборы.
Быстрее, милая. Прошу тебя, быстрее!

Начинают поспешно собирать вещи.

Пусть выгоняют коз моих зеленых
С глазами ангелов. Пусть режут крылья
Лошадям и рыбам. Пусть!
Я заново рожу их на полотна.
Им плохо там, где плохо мне.

Белла.
Куда мы, Марк?

Художник.
Не знаю... В Германию, в Париж, в Варшаву!
Мне все равно — я душу сохранить хочу.
О, Красный Ангел! В твоих багряных перьях
Таилось лезвие ножа.

Ты, как мясник, ударил им корову,
Распластанную в небе над домами...

Внезапно книги и картины падают из его рук. Погруженный в себя, он подходит к мольберту. Белла незаметно удаляется. Художник берет в руки кисть, делает несколько мазков.

А может, не корова это вовсе? А я?
И распинает Красный Ангел на Голгофе
Меня — безумца и отступника?
Пить, пить хочу... Нещадно палит
Солнце Иерусалима,
Сжигая кожу и надежду.
И кровь течет из ран,
И падший ангел, глумясь и хохоча,
Мне губы смачивает уксусом и желчью.

Роняет кисть. Ноги его подгибаются. Медленно, держась за мольберт, оседает на пол.

Палач, я пить хочу... Я жить хочу, палач,
Один глоток свободы и надежды..

Ложится навзничь, закрывает глаза, складывает на груди руки. Музыка. Плавно, как видение, возникает в темноте Белый Ангел. Достает из бочки несколько свечей в подсвечниках и ставит их по обе стороны лежащего неподвижно Художника. Зажигает одну и садится рядом. Дотрагивается до руки Художника. Тот открывает глаза. Увидев свечи, с недоумением смотрит на Ангела.

Художник.
Я, кажется, еще не умер, Ангел. Для чего же
Вокруг меня в печальном карауле
Застыли эти плакальщицы восковые?

Ангел.
Ты сосчитал их?

Художник.
Шесть.

Ангел.
А разве можно отпеть покойника
С шестью свечами?
Их по канону должно быть — сколько?

Художник.
Ну семь, я знаю.

Ангел.

Так почему же на твоей картине
«Мертвый»
Лежит покойник прямо на земле
И только шесть свечей вокруг.
А где седьмая? Где?

Художник.
Ты уподобился всем критикам моим...
Где? Почему? Зачем? Не знаю!!

Ангел.
Быть может, просто ты ошибся?

Художник.
Ага... Не научился считать до десяти.
Садится.
Не знаю, почему... Толкнуло что-то...
Шесть, только шесть...
А посередине смерть.

Чиркнув спичкой, зажигает вторую свечу. Берет подсвечник, встает, осматривается. Доносятся тревожные удары колокола.

Ты слышишь. Ангел? Будто бы пожар...
Заволокло все небо дымом, пахнет гарью...
Выходит на авансцену, всматривается в даль.
Гляди, над крышей синагоги черный дым!

Ангел, взяв в руки свечу, подходит к Художнику.

Ангел.
Где синагогу видишь ты?
Там Люксембургский сад
И синагоги нет в помине.

Художник.
Горит алтарь! Пылают свитки Торы!
Рассыпался огонь по ветхим крышам!
И люди бегают, зовут друг друга, плачут.
Свой жалкий скарб выносят из горящих стен.
Смотри, в огне собор Ильинский!
Пять куполов в дыму пожара!

Ангел.
Ты бредишь! Перед нами
Париж сияет
Тысячью огней.

Художник.
Неправда, Витебск в пламени!

Ангел.

Опомнись! Ты десять лет уже в Париже.
Твой Витебск за спиной.
Он прошлое твое.

Художник.

Нет, Ангел, нет!

Ангел.

Вон Эйфелева башня, видишь?
А слева Пляс де ля Конкорд...
Пляс Этуаль... И музыка несется
Из ночных кафе...
Шуршат машины, хохочут
Женщины прелестные.
Париж умеет веселиться, черт возьми!
О Боже, «черта» я упомянул...
Прости меня, Господь, прости...

Исчезает.

Художник.

Нелепый сон... Конечно же, Париж...
Веселый, как жуир. Нарядный, как кокотка.
Но почему же гарь и смрад
Ноздрями чуял я? Горели лавки и заборы,
Горели люди — факелы живые.
Пылало все вокруг, все превращалось в прах.

*Появляется Белла. В руках у нее газета. Зажигает третью свечу.
Читает.*

Белла.

Вечерний выпуск «Фигаро».
Ты слышишь, Марк, в Берлине
Сгорел рейхстаг,
Неведомо кем подожженный.
Нацисты в бешенстве.
Вопят, грозят, клянутся растоптать виновных.

Художник.

А кто поджег?

Белла.

А ты не понял? Мы!

Художник.

Что?! Мы с тобой? Шагал и Белла?
Мы, что ли, спичку там зажгли?
Какая чушь!

Белла.

Да, мы... Те, у которых черепа иные,
И нос не римский, и курчавый волос,
И кровь библейская течет по жилам.
Вот пишут, слушай... Бьют витрины
Еврейских магазинов... Взрывают
Надгробья на кладбищах...
Седых раввинов топчут сапогами...
И жгут, и жгут, и жгут...
Горят святые стены синагог...

Художник.

Горят святые стены синагог,
Пылают свитки Торы...
А ты мне, Ангел, пел
Про Люксембургский сад...
Я чуял этот смрад и дым.
И небо гудело надо мною,
Как будто хляби адские разверзлись
От ударов грома.

Белла.

Мне страшно, Марк.

Художник.

Здесь, в Париже,
Ничто не угрожает нам.

Белла.

Чума границ не знает, дорогой.

Художник.

Да ты с ума сошла! Нацисты придут сюда?
В великий вечный город?
На Елисейские поля? В Версаль и Лувр?
Хохочет.

Белла.

Наивный козлик мой, они уже пришли.
И знак чумы — коричневый паук
Пришлепнут на входной двери.

Художник.

У нас?

Белла.

У нас!

Художник.

Содрать! Стереть? Замазать! Соскоблить!

Белла.

Я не хотела говорить, но я пыталась
Закрасить красками твоими
Зловещий знак... И все напрасно.

Художник привычным жестом «смешивает» краски на ладони.

Художник.
Взять надо тиондиго черную...
Или смешать сиенну с умброй.

Белла.
Смешала.

Художник.
Ну и что?

Белла.
Он вновь ожил.

Художник.
А черной виноградной затереть?

Белла.
Не помогло. Он щупальца свои
Убрал сначала, а после выбросил их
С новой силой.

Художник.
Так ты... Т-ты хочешь мне сказать,
Что до сих пор он—там?

Белла кивает.

И что бессильны краски
Против паука?

*Белла медленно отступает в глубину сцены. Растворяется в ее темноте.
Художник взял в руки баночки с красками, прижался к ним лицом.*

Музыка неба и музыка солнца —
Краски мои.
Могут смеяться и плакать подчас
Краски мои.
Могут родить Тициана и Моцарта
Краски мои.
Могут летать над лугами и петь
Краски мои.
Только не могут розы в саду растоптать
Краски мои.
Только не могут в стаде бежать

Краски мои.
Только не могут поджечь и убить
Краски мои... Краски мои... Краски мои...

Музыка заглушает его слова.

Я слышу крылья... Ангел, это ты?
Чего молчишь, хранитель мой?
Плохие вести?

Голос Ангела.
Зажги свечу.

Художник.
Зажег.

Голос Ангела.
Теперь ищи.

Художник.
Что мне искать?

Голос Ангела.
Я обронил, летя к тебе...

Художник.
Что, Ангел? Что?

Голос Ангела.
Костры горели, факелы пылали,
И среди углей стынувших лежало
Без рук, без тела — только сердце,
Чуть бившееся, обгоревшее с краев,
Но все еще живое — сердце...
Я выхватил его из пепла
И полетел к тебе.
Ищи его, ищи...

Художник, светя свечой, находит кусок обгоревшей картины. Вместе с музыкой в темноте сцены возникает Белла. В руках у нее несколько сухих веточек.

Художник.
Она пришла в тот вечер
С букетом из веток рябины,
Сине-зеленые листья
И красные капельки ягод.

Белла.
Листья в костре сгорели,

Ягоды брызнули кровью.
Все, что осталось — ветки..

Художник (*прижавшись лицом к холсту*).
Ветки и сердце твое.

Белла приближается к нему.

Белла.
Ты не просил меня об этом. Я сама,
Ты помнишь, сняла одежды белые перед тобою.
Открыв себя, как Афродита,
Отбросившая пены кружева.
Я прилегла на смятую кровать.
Неровный пол качнулся подо мною...

Художник.
О Небо! Я окаменел
От дикой смелости твоей, родная.
Впервые видел я тогда нагое тело —
И груди нежные, и темные соски,
Зовущие меня дотронуться до них
Рукой дрожащею. Нет! Нет!
Будто звезда упала
На рыночную площадь,
На грязный постоянный двор,
И ослепила всех
Сиянием небесным...
Вот все, что мне теперь осталось —
Кусочек обгоревший на ладони
Моей невесты непорочной,
Моей Мадонны белой.
За что сожгли тебя, звезда, за что?

Белла.
Меня купил в Салоне адвокат.
Увез в Берлин, повесил в кабинете.
Он очень дорожил картиной,
Показывал друзьям и восхищался,
А иногда и спорил, вступаясь за меня.
Однажды вечером он, сидя за столом,
Работал. Вдруг в его квартиру
Вломились пьяные штурмовики.
Скрутили, на пол бросили.

Художник.
За что?

Белла.
Не знаю. Он, вроде, защищал в суде

Какого-то еврейского врача.
Как избивали адвоката, Марк!
Кастетами, велосипедными цепями!
Его лицо... Да нет, лица уже не стало...
Какой-то штурмбаннфюрер из гестапо
Сорвал меня со стенки — и в моей же раме
Повесил Гитлера.
А я...Я очутилась в каком-то темном складе,
На полу, где рядышком шуршали крысы
И плесень цвелым языком
Лизала мое нагое тело...

Музыка.

И вдруг из темноты — на свет!
Я — на стене, вокруг картины,
Глазам своим не верю — Ренуар, Матисс, Ван- Гог.
Неужто чудо, думаю, свершилось?
О нет, все оказалось жутко просто.
«Искусство идиотов» —
Так называлась выставка.

Художник.
Скоты!

Белла.
Табличка подо мной была прибита:
«Шлюха еврейская.
Художник шизофреник Марк Шагал».
Шли люди... Кто гоготал,
Показывая пальцем на меня,
Кто равнодушно пожимал плечами.
Но были и такие, кто украдкой
Пытался мне послать улыбку...
Неделю продолжалась эта пытка,
А потом... На площади, у самой Оперы,
Костры зажгли молодчики в коричневых рубашках.
Пылали факелы со всех сторон,
И тысячи звериных глоток пели...
Нет, Марк, не пели, а орали,
Выталкивая из себя слова, как камни:
«Когда по ножу течет еврейская кровь,
Мы счастливы вновь, мы счастливы вновь».

Белла зажигает пятую свечу.

Меня схватил юнец безусый —
Красивый мальчик, голубоглазый...
Пошел к костру и громко, на всю площадь, крикнул:
«Я предаю огню жидовскую картину

За проповедь уродства, за разврат!
Гори в огне, бесстыдная блудница!»
И бросил в пламя.
Огонь схватил меня горячими когтями.
Горели руки... волосы... кровать....букет рябины...
Я слышала ликующие крики:
«Гори, Сезанн!», «Гори, Гоген!»,
«Гори, Пикассо!». Гори, гори, гори!
Вдруг небо распахнулось надо мною,
И хлынул свет — как вспышки молний яркий,
И над костром увидела я... крылья...

Художник.
То Ангел, Ангел был!

Белла.
И что-то подхватило вдруг меня
Туда, где облака и синева небес...

Внезапно наступившая темнота поглощает ее. Некоторое время тихо и темно. Постепенно начинает светлеть. Художник один.

Художник.
Нет , Ангел, нет... Она ушла не так.
Дай мне еще хоть раз ее увидеть...
Чума пришла в Париж.
Чума гналась за нами,
И сыновья Бетховена и Гете
Теперь в печах сжигали не полотна —
Живых людей, сестер моих и братьев.
О Господи! Неужто шесть свечей
В моей картине давней -
Шесть миллионов душ?
И посредине смерть?

Зажигает еще одну свечу, шестую.

Огонь мне обжигает глаза и руки.
Я вижу челюсти и детские игрушки,
Очки, ботинки, волосы... О Боже!
Прости меня за то ,что я не с ними..
Да, ты была права. Чума границ не знает...
Мы, маленькие звездочки, блуждаем
Меж двух миров, сжирающих друг друга
В смертельной схватке.

Появляется Белла.

Белла.
Бежим!

Художник.
Куда?

Белла.
Через испанскую границу.
Она еще открыта,
Быстро!

Художник.
По козьим тропам через Пиренеи
Шли день и ночь мы за проводником.

Белла.
И старенький кораблик, помнишь,
Пыхтя от астмы, нас перевез потом за океан.

Белла садится в круг шести горящих свечей.

Художник.
Я снова вижу клинику в саду,
И длинный коридор, и белую палату,
Куда на цыпочках в то утро я вошел
В последний раз и сел с ней рядом...
*Тоже садится в круг свечей. Берет ее руки в свои. Возникает далекая,
самая первая мелодия их любви.*

Белла.
О Марк!

Художник.
О Белла!

Белла.
Я помню каждый миг, что нами прожит,
Как будто все произошло вчера.

Художник.
Вчера...

Белла.
Вчера увидели тебя мои глаза впервые.

Художник.
Вчера...

Белла.
Вчера ты мне свидание назначил.

Художник.

Вчера...
Белла.
В саду, где ночь дышала резедой.

Художник и Белла.

Вечер, сад.
Месяц, ты.
Сказка, ласка
Резеды.
Поцелуешь
Иль обнимешь
Или скажешь:
Отойди...
Губит ласка,
Любит вечер,
Запах сада,
Резеды...

Белла.
Мне душно, Марк... Какие-то круги
Плывут перед глазами.

Художник.
Нет!

Белла (*тихо*).
Зажги седьмую.

Художник.
Я не хочу, не дам, чтоб ты ушла!

Белла.
Мне без седьмой свечи
Дороги не найти
В заоблачной пустыне.

Художник.
Нет, нет!

Белла.
Что я скажу служителям небесным?

Художник.
Скажи, что старый грешник
Тебя не хочет отпускать.
Да, грешник, грешник...
Разве закрыл глаза я
Родителям своим?
Иль помолился
На их заброшенных могилках?

Разве я видел мир таким,
Каким его Создатель сотворил?
Нет, я дерзнул в своей гордыне
Перевернуть твою Вселенную, о Боже!
Влюбленным парочкам я отдал небо,
То небо, которое ты предназначил птицам.
Услышь меня, Всевышний, и прости
За головы, летающие в небе,
За то, что дал руке семь пальцев,
За то, что пережить посмел
Свою любовь...
Прости...

Белла.

Зажги седьмую, Марк.
Прошу тебя, быстрее.

Она поднимается. Вслед за ней встает Художник и зажигает седьмую свечу.

Спасибо... А теперь открой окно.
О, как пахнуло цветущим садом!
Как хочется туда...
И сердце стало легким-легким.
Как будто воздух голубой ворвался в грудь.

Пытается взмахнуть руками.

Хочу взлететь... В последний раз...
О Боже! Дай мне силы!.. Летим?

Художник.

Летим! Летим!

К о н е ц